

АННА РУБЕР

НЕПРОШЕННЫЙ ДАР

БИБЛИОТЕКА КОРОТКОГО РАССКАЗА

Анна Рубер

Непрошенный дар

«Автор»

2026

Рубер А.

Непрошенный дар / А. Рубер — «Автор», 2026

Серый заводской моногород не любит тех, кто пытается вырваться. Для тринадцатилетнего Алёши единственным окном в большой мир становится ансамбль бального танца во Дворце культуры, которым руководит строгая, нестигаемая Маргарита Борисовна. Для своих учеников она — почти божество, дарующее призрачный шанс на другую, красивую жизнь. Спустя двадцать лет повзрослевший Алёша — простой рабочий цеха гидропневматики — случайно встречает постаревшую наставницу на заснеженной улице. Чаепитие с вишнёвым вареньем возвращает его к той роковой зимней репетиции, после которой захлопнулась дверь на сцену. Кем была эта женщина на самом деле? Спасительницей, зажигающей искру надежды среди безысходности рабочих окраин, или той, кто заражал души несбыточной мечтой, обрекая их на вечную тоску по недостижимому? Тонкая, пронзительная психологическая драма о взрослении, цене таланта, слепом обожании и призраках прошлого, не отпускающих даже у станков.

© Рубер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

***	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Непрошенный дар

***

Все описанные события вымышлены. Всякое совпадение имён случайно.

Этот город никогда не смотрел ласково на тех, кто пытался из него вырваться. Он держался на двух оборонных заводах, на серых блочных пятиэтажках и на дощатых пивных ларьках в парке аттракционов, оттаивавших лишь к Первомайским праздникам вместе со шербатым асфальтом.

Из развлечений подросткам был доступен Дворец культуры имени Калинина: душный кинозал и на выбор два кружка на втором этаже — изостудия и ансамбль бального танца. Руки у Алеши к рисованию приспособлены не были вовсе. Тяжелые, широкие в запястьях, годившиеся скорее под чугунное литье да гаечный ключ. Поэтому в тринадцать лет он пришел на танцы.

Не от любви к вальсам или фракам с шелковыми лацканами. Просто калининский ансамбль гремел тогда на всю область и регулярно уезжал на гастроли: то в Куйбышев, то в Казань, а однажды старших вывезли даже в Сочи. Эти поездки казались единственной дверью в огромный, сверкающий мир. Шансом вырваться. Хотя бы на неделю.

Руководила ансамблем Маргарита Борисовна.

Бывшая балерина какого-то дальнего областного театра. Тогда ей было от силы лет тридцать пять, но Алеше она казалась существом без возраста. Сухая, жилистая, с неsgiбаемой спиной, которую невозможно было вообразить согнутой даже над тазом с бельем. Ни мужа, ни детей. Вся ее жизнь проходила между школьными уроками пения до полудня и вечерними репетициями во Дворце культуры.

Она не просто вела кружок — она выбивала для него все самое лучшее. Зеркала во всю стену и наборный дубовый паркет были ее личной победой в войне с завкомом завода. В кабинете директора ДК все полки ломились от латунных кубков. Когда заводские методисты ехидно интересовались, отчего ее личные дипломы пылятся у начальства, Маргарита лишь сухо поджимала тонкие губы: «Мне они ни к чему. А в кабинете директора они статус школы поднимают. Нам еще чешский бархат для старшей группы выбивать».

Директор таял, чувствуя себя покровителем балетного искусства, и подписывал любые сметы. Рядом с ней вертелась бессменная ассистентка Наташа — балерина из бывших учениц, абсолютно деревянная на сцене, зато с волчьей административной хваткой. Маргарита Борисовна держала ее при себе железной уздой: поручала подписывать у начальства бумажки и ведомости, взамен давала право ругать младших и ездить во все командировки. Наташа преданно ненавидела ее, понимая: без подсказок хозяйки она — пустой ноль, который заводские вышвырнут в первый же месяц.

А с теми, в ком видела живую искру или хотя бы мальчишеское упрямство, Маргарита занималась отдельно. Бесплатно. До седьмого пота, пока за темными окнами ДК не гасли последние фонари.

* * *

Они не виделись почти двадцать лет.

Алеша встретил ее в начале ноября. Шел липкий серый снег. Он переходил улицу Ленина у гастронома, прижимая локтем замасленный пакет с ремкомплект для карбюратора, и вдруг остолбенел. Навстречу двигалась пожилая женщина в поношенном, но стильном черном пальто. Походка. Эту манеру ставить стопу с носка, эту струну в позвоночнике и высоко вздернутый острый подбородок невозможно было не узнать.

Она тоже подняла глаза. Взгляд скользнул по его коренастой фигуре, по тяжелым надбровьям, по вьевшейся в пальцы темной заводской окалине — и дрогнул.

— Леша?.. Алеша? — голос стал глуше, в нем пробилась старческая сухость, но чеканная интонация осталась прежней.

— Здравствуйте, Маргарита Борисовна.

Они замерли посреди мокрой каши, не зная, куда деть руки. Она казалась крошечной, совсем усохшей. Лицо покрыли паутинки морщинок. Но глаза смотрели так же насквозь.

— Надо же... — выдохнула она. — Здоровый какой вымахал. Ты здесь? На оборонном?

— На оборонном. В цехе гидропневматики.

— Пойдем ко мне, Леша. Тут за углом, во дворе за аптекой. Чай согреем, варенье открою. Не откажи старухе.

Он пошел. Отказать не смог бы при всем желании. В том почтении, которое он впитал на занятиях в ее классе, не существовало срока давности.

В узкой квартире стоял знакомый с детства запах: пыльные клавиры, чуть уловимая «Красная Москва» вперемешку с душистым чаем. В углу вздымалось пианино «Родина» с пожелтевшими костяшками клавиш. Она поставила эмалированный чайник, достала вазочку с вишневым вареньем и две разномастные чашки с золочеными ободками.

— Ну, рассказывай, Алексей Петрович. Почему бросил? Ведь шаг был... редкий шаг.

— Жизнь так повернулась, Маргарита Борисовна, — он крутил в пальцах чайную ложечку. — Техникум, армия. Потом завод. Платят надежно, грех жаловаться. Девчонок двоих поднял. С женами, правда, не заладилось — два раза сходил, два раза разводился. Теперь один живу.

Она пристально разглядывала его поверх очков:

— Неужели ни разу сцена не приснилась?

— Какая там сцена... — Алеша усмехнулся, пряча глаза. — После той зимы всё как отрезало.

— После какой зимы? — ее сухие брови чуть приподнялись, но чашка в пальцах осталась недвижимой.

— Перед Куйбышевом. На зимних каникулах. Двадцать лет назад. Вы ведь помните.

Она медленно опустила фарфор на блюдце. Промолчала и посмотрела куда-то вдаль, сквозь него. И Алеша снова провалился в ту зиму.

* * *

Алеше тогда едва исполнилось четырнадцать. Зима ударила свирепая, за двадцать градусов, с колючей низовой поземкой.

Шли зимние каникулы. Вся страна отдыхала до десятого января, но в ансамбле готовились к отборочному смотру на Всероссийский фестиваль. Алеша безнадежно отставал из-за ноги.

Еще по осени они гоняли во дворе мяч. Никаких шиповок тогда и в помине не водилось: бегали в скользких кедах прямо по глинистому пустырю. Алеша пошел на перехват, нога предательски поехала по глине. Связки потянул так, что два месяца потом хромотал, наступая лишь на ребро подошвы. К зиме он немного оправился, танцевать мог, но с прыжками и поддержками была беда.

Его отец, Петр Семенович, первоклассный токарь-лекальщик завода, пил тяжело и безысходно. Мало кто в городе помнил, что двадцать пять лет назад, когда молоденькая балерина Маргарита только приехала по распределению в ДК, именно рослый красавец Петька был ее первой солирующей надеждой. Но мальчик вырос, раздался в плечах, в детский репертуар перестал вмещаться, а взрослых ансамблей провинциальный завод не держал. Потом армия, семья, поступить в профессиональный танцевальный коллектив он и не мечтал. Отец ушел к станку. А по выходным в пивных ларьках рассказывал собутыльникам, ударяя кулаком по

дощатой стойке: «Да я у нее Кармен танцевал!». Мужики хлопали его по ватнику, перемигивались, подливали беленькой и подначивали: «Ну, Петрович, расскажи еще раз, как ты сам испанцем выходил!...».

Алеша отца жалел и повторить его участь боялся до судорог. Он бредил сценой. И Маргариту Борисовну боготворил — не просто как строгую наставницу, а той тайной мальчишеской любовью, от которой пересыхает в горле при звуке шагов за дверью.

В январские каникулы она вызвала его на индивидуальные репетиции — каждый вечер, пока пустует Дворец.

В холодном зале стоял терпкий запах мастики. Она включала кассетный магнитофон и сама вставала с ним в пару, отрабатывая мужскую партию.

— Спину! — бросала она отрывисто. — Леша, держи ось! Ты ведешь, ты стержень! Взгляд поверх плеча!

Ее сухопарое, тренированное тело казалось литым. Она знала технику балета до мельчайших деталей: где подставить бедро, как перехватить предплечье. В поддержке она с легкостью подбрасывала рослого Алешу своими по-мужски крепкими руками.

Они закончили в десятом часу. Алешина майка промокла до нитки, травмированное колено ныло тупой болью. Маргарита Борисовна промокнула шею платком:

— Всё. В душ и бегом по домам, пока вахтер не запер нас здесь на ночь.

* * *

По случаю зимних каникул дирекция затеяла в ДК плановый ремонт душевых. Женскую половину закрыли на перекладку плитки, а ремонтники, разворотив молотками полстены, ушли на праздники в загул. Вода подавалась только в мужскую душевую в конце коридора.

Алеша замялся в дверях с вафельным полотенцем под мышкой, не зная, как поступить. Маргарита подошла сзади, держа в руке кусок земляничного мыла. Ни тени смущения не отразилось на ее строгом лице:

— Чего топчешься? Заходи. Мы тут одни, не растаем.

Мужская душевая встречала болотной краской и щербатым кафелем. С потолка свисали ржавые лейки, разделенные низкими перегородками из крашеного шифера — по плечо взрослому человеку. Ни занавесок, ни укрытия.

Она не стала делить очередь. Не предложила ему подождать в коридоре. Спокойно прошла к дальней лейке, сбросила шерстяные гетры, стащила через голову пропотевшее черное трико и швырнула на лавку. Одной рукой привычно прикрыв грудь, повернула латунный вентиль. Зашипела ржавая горячая струя, под потолок хлынул тяжелый белесый пар.

Она встала спиной, подставив стриженный затылок и лопатки под кипяток.

Он смотрел на ее фигуру сквозь клубы белого пара, и эта картина словно парализовала его. Со спины она казалась юной девочкой. Невероятно узкая талия, сухие точеные лопатки, гладкая кожа цвета топленого молока, по которой блестящими ручьями стекала вода. Тонкие щиколотки, тугие ягодицы танцовщицы. Это была ожившая античная статуя. Алеша знал: стоит ей повернуться — и на него глянет усталое лицо с горькими морщинками у губ. Но сейчас она стояла спиной.

Алеша мялся под соседней лейкой, обернувшись промокшим вафельным полотенцем. Вода заливала лицо, а сердце колотилось в горле с такой силой, что глушило шум труб. Воздух сделался плотным, пьянящим. Он не отдавал себе отчета в том, что происходит. Сделал два бесшумных шага по скользкому кафелю. Подошел к ней вплотную.

Полотенце соскользнуло в мыльную жижу, но он не обратил внимания. Дрожащими пальцами Алеша коснулся мокрой, пылающей кожи между ее лопаток. Медленно провел ладонью вниз — вдоль упругой бороздки позвоночника, мимо талии, опустив руку на поясницу.

Она не вскрикнула. Не отшатнулась. Даже струи воды над ее головой не шелохнулись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.